

Татьяна Дегтярёва ЗОЛОТОЙ КОНЬ

ПРОЛОГ

Грунтовка, откуда его мотоцикл только что выехал, как будто побывала под артобстрелом. Спина под жилеткой стала мокрой, пока он лавировал между ухабами и выбоинами, выхваченными из темноты светом треснутой фары. Проехав через мост над железнодорожными путями, мотоциклист свернул на асфальтовую дорогу, рассекающую лес на черные лохматые половины. Яркая луна выбралась из-за туч и осветила идеально-ровное дорожное полотно, плавно уходящее под горку.

— Клевый трек, — обрадованно пробормотал мотоциклист, стягивая шлем с головы. — Фу-ух! — Вытер пот со лба.

Июнь в этом году выдался необычайно душным, отчего привычная байкерская амуниция казалась жаркой и тяжеловесной. Он прибавил газу, желая вознаградить себя за предыдущие полчаса мучений. Мотоцикл бодро ревел, ветер обдувал разгоряченную голову и развеивал глупые опасения. «Гуляем дальше. Главное, свалить вовремя...»

На дорогу перед колесом обрушилось что-то рогатое и черное. В следующее мгновение байкер вылетел из седла и, совершив полуоборот в воздухе, рухнул на асфальт вниз головой. Больше он не двигался.

Лучи двух фонариков проскакали по лежащему на обочине мотоциклу, картинно-вращающемуся переднему колесу и скрестились на темной луже, медленно расплывающейся под головой байкера.

— Закончились твои покатушки, — прокомментировал равнодушный голос. Огромная коряга с треском приземлилась в заросли на обочине. — Посмотри мотоцикл, а я здесь поищу.

— Ничего, — спустя пару минут прошипел сообщник.

— Вот уро-од! Где его наплешик?

— В кусты отлетел.

— Придется найти и там посмотреть. Вдруг...

Равнодушный подкинул в воздухе трофейный мобильник.

— Документы тоже забрал. В реке утоплю. Здесь его никто не знает, только кликуху.

— Похоронят как бомжа.

— Да, плевать. — Похороны совершенно не взволновали равнодушного.

— Куда он ее дел?

— Походу, той рыжей девке отдал.

— Мне ее совсем не жалко. Сама себе приговор подписала.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой летает французская шляпа

— Спасибо, тетя. Не надо, тетя.

Алиса переминалась у двери в прихожей с мобильным телефоном в руке. Она поглядывала на себя в зеркало, но мысленно видела раскидистые пальмы, бирюзовые волны и шустрые стаи мальков на песчаной отмели.

— Ты меня слышишь? — голос тётки вернул ее с морского побережья в городскую квартиру. — Говорю, двадцать три тебе исполнилось, а никто толком не воспитывал. Твои родители...

Родители часто ездили на гастроли. Музыканты камерного оркестра — занятые люди. Раньше она подолгу оставалась с бабушкой, потом научилась жить самостоятельно. Но два года назад объявилась дальняя родственница, чья-то сводная сестра Софья Эдуардовна и замучила её, и разговорами, и воспитанием.

— Сегодня ночью был приступ, — пожаловалась Софья Эдуардовна.

Это ее любимая тема. О своем здоровье она может говорить бесконечно. Алиса взглянула на циферблат настенных часов: кривой нотный стан,

сверкающий знак бемоль в центре, веселый трубач висит на часовой стрелке, а пляшущий саксофонист на минутной. Часы Алисе не нравились, но дарёному тетушкиному «коню» в зубы не смотрят и не обсуждают.

— Измерила давление и пришла в ужас!

Действительно, ужас: совсем не осталось времени. Чтобы освободить руки, Алиса прижала мобильник плечом к уху и занялась срочными сборами. Когда расчёска и помада упали в сумку, стрелка музыкальных часов угрожающе дернулась. Алиса подхватила с тумбы чёрный футляр. «Скрипку взяла. Ключи...где ключи?». Рассказ о здоровье был далек от финиша.

— Будьте здоровы, тетя. Мне выходить пора.

Алиса скользнула взглядом по отражению в зеркале и увидела чересчур высокую и слишком худую девушку, нерешительно топчущуюся на месте. Тёмно-серые глаза казались огромными на болезненно-бледном лице. «Три дня подождать. И тогда солнце-море, полосатые шезлонги, бархатные листочки мяты в коктейле...» Она автоматически опустила футляр на тумбочку, пригладила соломенного цвета волосы и одернула низ короткого жакета.

— Я к тебе обращаюсь! Сейчас Виктор заедет...

Тетя всегда делала ударение на букву О: ей

казалось, что при такой постановке имя звучит шикарнее, и получался ВиктОр.

— Не надо Виктора! — с ударением на И бурно реагировала Алиса.

Ее громкое восклицание вызвало движение в зале: там тяжело вздохнули и заворочались. Послышалась недовольная возня, хриплое бормотанье. Алиса шагнула назад и, вытянув шею, посмотрела на диван: клетчатый плед бугрился и шёл волнами. Увы, не морскими. Впрочем, спустя полминуты возмущение утихло, вздохи перешли в сопенье.

— ...бесчувственная! Бедным твоим родителям в старости стакан воды подать будет некому!

— Не надо им воды, — пробормотала бесчувственная.

— Это тебе ничего не надо! — припечатала тетка и отключила телефон.

Алиса задрала голову и уставилась на трубача с саксофонистом: девять часов двадцать восемь минут. Время! Следует выйти пораньше, чтобы перехватить теткиного сына на улице. Она подхватила скрипичный футляр, на цыпочках подошла к двери, распахнула её и столкнулась нос к носу с так называемым ВиктОром. Что ни говори, а смотреть на него было приятно: красивый, взрослый — двадцать девять лет — брюнет с

аристократически-прямой линией носа и одухотворенным лицом.

— Тонко чувствующий музыкант! — отзывался о родственнике отец Алисы.

— Хорошо воспитанный молодой человек, — вклинивалась тетушка.

— Серьезный и ответственный, — соглашалась мама и прочила Виктора в женихи.

Алиса послушно кивала в ответ и радовалась предстоящему десятидневному туристическому туру с заездом на Итальянскую Ривьеру. Виктор должен был развлекать и оберегать родственницу-невесту.

Однако сейчас было не до моря.

— Я готова. — Она шагнула за порог и попыталась закрыть дверь квартиры. — Ноты в машине?

Если Виктора и ошеломил натиск Алисы, то лишь на пару секунд.

— Какие ноты?

Он слегка придержал дверь, и это оказалось достаточным, чтобы Алиса сдалась. Виктор наклонился, чтобы стряхнуть пылинку с безупречно выглаженных брюк.

— Надо поговорить. — Теперь он наступал, а она пятилась. — Вернёмся?

Не ожидая согласия, Виктор обогнул препятствие и вошёл в прихожую.

«Только не это!» — мысленно стонала Алиса, поглядывая на трубача и саксофониста. Те продолжали танцевать, абсолютно безучастные к переживаниям хозяйки.

— Тебе не составит труда подать мне стакан воды? — Надменная вежливость Виктора настораживала. — Конец июня, а так сухо и жарко...

— Воды! — раздался из зала хриплый стон.

Виктор поперхнулся декоративным предложением о погоде и, свернув английские церемонии, двинулся рысью на агонизирующий призыв. Алиса с обреченным видом закрыла входную дверь и, на правах хозяйки, отправилась в кухню за всеми требуемой водой, искренне сожалея, что не поставила в коридоре, в комнате, да что уж там, — в подъезде, по кулеру.

Пометавшись между кухонным столом и холодильником, она наполнила минералкой два высоких стакана. В первый, не задумываясь, добавила дольку лимона и колотый лед, содержимое второго радовало первозданной чистотой. Голубоватая жидкость картинно взрывалась сотнями бурлящих пузырьков, рекламно разбрызгивая влагу по безупречно-прозрачным стенкам. Алиса поставила оба стакана на поднос и с невозмутимостью вышколенной официантки отправилась на звуки разгорающегося скандала.

Даша Громова с закрытыми глазами сидела на диване, раскачиваясь из стороны в сторону в такт обрушаемых проклятий. Девушка медленно просыпалась, со вкусом потягивалась и, не смущаясь, драпировала выдающиеся формы в чёрно-красный клетчатый плед.

Вчера, близко полуночи, жители тихой пятиэтажки были разбужены невообразимым треском и грохотом, которые издавал мощный мотоцикл. Нарушитель закона о тишине сгрузил у подъезда выводящую песенные рулады хулиганку и, поддав газу, скрылся в синеве летней ночи. В квартиру подружки Громова ввалилась счастливая и беззаботная. Обнимая обеими руками длинный брезентовый мешок, она рухнула на крякнувший от неожиданности диван и спустя мгновение благополучно заснула.

Этот чехол-мешок, в котором бряцали блестящие трубки и что-то похожее на автомобильный руль, Алиса пристроила за диван, а нетранспортабельное тело оставила на прежнем месте, из добрых чувств одарив его подушкой и пледом.

Помня о том, что правильный братец и безалаберная подружка — это, по определению, лёд и пламень, она пыталась не допустить скандальную встречу, но все её усилия пошли прахом.

Даша встрепенулась, заслышав осторожные шаги из кухни. Сдунув с сонного глаза короткие рыжие кудряшки, она отвернула мутный взор от разгневанного обвинителя. Впрочем, как только добровольная официантка появилась в зале, Виктор моментально переключился на последнюю:

— Сколько тебе повторять, чтобы эту, — он нервно дернул подбородком в сторону позёвывающей Громовой, — я здесь больше не видел!

— Вода! — радостно промычала «эта».

— Дашу привезли... она приехала ночью. Не могла же я её выгнать! — воспротивилась Алиса, выдавая подруге стакан с лимоном и льдом. — Ты пить будешь? — обратилась она к родственнику.

— Я не намерен терпеть! — фальцетом отреагировал тот, небрежно подхватывая стакан и выбивая поднос из дрогнувших рук.

Подруги синхронно скривились, оценивая неблагозвучную встречу жести и паркета, а скандалист в запале поддал ногой лёгкий деревянный стул.

— Супер! — оценила выступление Громова. — Пианист не намерен терпеть.

— Я — не пианист! — возмутился Виктор и был остановлен ехидной улыбкой.

На некоторое время наступило затишье: Алиса поднимала поднос, передвигала стул, а

противоборствующие стороны пили воду. Повеселевшая Громова первой возвратила пустой стакан, умильно сложив ладошки перед грудью.

— Шуйская, ты — ангел.

Пока Виктор бухтел в стакан, Даша поднялась с дивана, выпрямилась во все сто пятьдесят семь сантиметров и потуже замоталась в плед. Алиса восхищённо вздохнула: растрёпанная и неприбранная подружка всё одно была прекрасна: округлые белые плечи, высокая грудь и тонкая талия взывали к сравнению с древнегреческими мраморными скульптурами.

— Голова болит, — посетовала живая богиня и пошла кратчайшим путём в ванную, отчего на её пути воздвигся пианист. — Слушай, можно я пройду?

Она бесцеремонно отпихнула препятствие совершенным плечом и в три шага достигла цели.

— Алкоголичка! — не остался в долгу Виктор.

— Не кричи, — ласково попросила Громова. — Столько шума из-за тебя. Ребята, вы на море едете?

— А тебе какое дело? — пыхтел и подпрыгивал красавец-мужчина.

— Большое, — подмигнула богиня и скрылась в ванной комнате.

Виктор громыхнул стаканом о поднос,

скривил одухотворённый лик и галопом унёсся в прихожую. Хлопнула входная дверь, звякнули хрусталики бра над зеркалом. Смирившись с поражением, Алиса переправила поднос и стаканы на кухню, откуда довольно скоро вернулась в прихожую. Подхватывая футляр, сумку и ключи, она громко информировала подругу:

— Дашунь, я — на репетицию! — запнулась, прислушиваясь к шуму воды и невразумительному ответу. — Между прочим, иду пешком из-за некоторых.

Плавным движением руки Софья Эдуардовна отодвинула бархатную занавесь и проникла в зал областной филармонии незамеченной. Сделав в темноте пару шагов, она прижала сумочку к груди и прикрыла в экзальтации глаза. Со сцены, где расположился камерный оркестр, звучала экспрессивная «Летняя гроза» гениального Антонио Вивальди. Божественная музыка вызвала бурю эмоций, слегка отразившихся на лице пылкой почитательницы.

Спрятав чувства под полями фантастически-прекрасной шляпы, Софья Эдуардовна «плыла» между рядами пустых кресел, воображая себя блоковской Незнакомкой. С самого начала всё внимание незнакомки приковал он, неистовый воитель, размахивающий дирижёрской

палочкой на ярко-освещённой сцене.

Она замерла на миг, задохнувшись приступа неземного блаженства, как внезапно у неё за спиной раздались хриплые мужские голоса, сопровождаемые неблагозвучным тяжёлым топотом. В зале вспыхнул тусклый свет, и причастность к музыкальному таинству исчезло. Софья Эдуардовна испуганно присела на ближайшее кресло, обернувшись в сторону звукового безобразия. Путаясь в бордовых занавесях, громяхая ведрами и поскрипывая выгнутой стремянкой, в респектабельный амфитеатр ввалились двое заляпанных побелкой рабочих.

— Занавеска, твою мать! — выругался впередиидущий и возложил конец стремянки себе на голову.

При этом помятое ведро задело спинку бархатного кресла и раздалось гулкое «бамс», откровенно резонирующее с общей музыкальной линией концерта. Дирижёр на сцене раздражённо мотнул головой, но продолжил репетицию оркестра.

Между тем, два гения от ремонта перемещались вглубь зала. Они с маниакальным упорством двигались в сторону Софьи Эдуардовны, что не на шутку обеспокоило тайную зрительницу. Она предусмотрительно пересела на соседнее

кресло, но тут второй рабочий надумал повторить трюк со стремянкой и головой. Чрезвычайно занятый водружением свободного конца на макушку, он не заметил, как его ведущий напарник поскользнулся и вместе с грузом брякнулся на ступеньку.

Ножки стремянки с радостью вырвались из рук второго рабочего, воспарили в воздухе и в спонтанном полёте зацепили петлю огромного банта на шляпе Софьи Эдуардовны, сдёрнув французскую прелесть с головы обладательницы. Первый рабочий выпрямился, изо всех сил удерживая внезапно потяжелевшую стремянку. Шляпа и ножки описали безупречную дугу и рванули ввысь, приближая сценическую кульминацию. Софья Эдуардовна коршуном ринулась за шляпой.

Скрипичный концерт двигался к финалу. Шквал красочных звуков дополняли необычную для филармонии картину, в которой впечатляющих размеров белоснежная шляпа торжественно взмывала под потолок. Интеллигентного вида корпулентная дама увлечённо колотила ридикюлем разноцветного маляра, а он, прикрываясь ведром, позорно отступал, пока не споткнулся и не опал грязно-бурой кучей на пол.

Пёстрое шоу в амфитеатре заморозило музыкантов. По-гусиному вытянув шеи и затаив

дыхание, они водили смычками по струнам на автомате. Развязка приближалась.

— Шляпа, твою мать! — обнаружил предмет раздора первый рабочий и выронил стремянку.

Адский грохот сотряс старую лепнину, развеселив оркестрантов и окончательно испортив творение неистового итальянца. Софья Эдуардовна поспешно бежала из зала, нахлобучивая на макушку отвоёванный убор. Великолепный французский бант развязался и красными атласными змеями парил за спиной взволнованной хозяйки.

Последняя нота затихла. Алиса опустила скрипку и в изнеможении откинулась на спинку стула. Исполнение «Летней грозы» вышло ужасным. Последние две минуты превратились в сущую пытку: смеяться — категорически нельзя, а сдержаться — невозможно. Виктор, понятное дело, ни о чём не догадывался. Он стоял спиной к залу и не видел комедии, которую учинила его преданно любящая мать. Ах, Софья Эдуардовна, умеете вы, и рассмешить, и напугать!

Как бы в такт её мыслям, дирижёр обернулся в сторону зала и в удивлении опустил палочку: посреди прохода валялись стремянка и вёдра, рядом ползало нечто бесформенное и заляпанное краской, а точная копия ползающего человека разумного

заворачивала вслух:

— ...стремянка, твою мать!

Здесь сквернослов сообразил, что музыка уже не играет. Он развернулся к оркестрантам, безмолвными истуканами замершими на сцене, и добавил необычайно-сдержанное:

— Антракт, господа! — Реакции от господ не последовало, после чего было выдано грубоватое уточнение. — Потому что ремонт.

— По-опрошу освободить помещение! — стоя на четвереньках, выкрикнул второй комедиант и шарахнул кулаком по ведру.

Виктор скривился от вульгарного звука, уголки его губ презрительно дёрнулись вниз. Он провёл рукой по густым волосам и строго постучал дирижёрской палочкой по ближайшему пюпитру, обрывая смех и перешёптывания.

— Репетиция оркестра окончена. Встречаемся ровно через месяц, двадцать пятого июля. — Он обернулся к рабочим и добавил менее уверенно: — Надеюсь, они успеют к тому времени закончить ремонт.

Все разом поднялись и склонились над инструментами: шуршали ноты, стучали футляры, глухо щелкали застёжки. Музыканты заговорили между собой, смех становился всё громче, прозвучали первые «До свидания!» и «Приятного вам с женой отдыха!». Коллеги торопливо

прощались.

Алиса подошла к Виктору, зажав в объятиях тёплый футляр.

— Вот и отпуск, — дипломатично констатировала она, переступая с ноги на ногу.

Её прямые волосы, собранные в толстую и короткую косу, были аккуратно зачёсаны назад. Плотняный, светло-голубой костюм идеально подходил для данного собрания: жакет свободного кроя и узкая юбка чуть выше колен являли образец приличия и скромности.

Родственник уставился на мисс прилежность в район замаскированной груди, недовольно сдвинул брови и с места в карьер закатил скандал:

— Как ты играла?! Гляди в партитуру, если нот не знаешь. С таким отношением к работе, к музыке в целом...

После «отношений» Алиса встревожилась. Подобные слова и пафос Виктор приберегал для плохих новостей. Для очень плохих новостей. Либо, как уже проверено, хотел чего-то от нее добиться. Его стычка с Дашей случилась совсем некстати. Послезавтра вечером они улетают на море, и портить двухнедельный отпуск в Италии — непозволительная роскошь. Капризный и слегка эгоистичный, он может дуться и два дня, и неделю, превращая совместное проживание в пытку.

Алиса отшатнулась, понимая, что надо любым

способом избежать демонстрации чувств, тем более в присутствии коллег. Откровенно любопытствуя, последние перекладывали ноты, возились с папками, собираясь присутствовать при почти семейных разборках.

Не дослушав нотаций, она попятилась к лестнице, потом развернулась и побежала. Ступеньки предсмертно стонали и скрипели, буквально напрашиваясь на капитальный ремонт. Жаждающий высказаться Виктор шагнул следом.

— Жду на улице! — объявила Алиса, влетая лбом в бархатную занавесь.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой тромбонист не едет на Ривьеру

Алиса сидела в тени автобусной остановки, таранилась себе под ноги и вздыхала. Последняя неделя выдалась тяжёлой: отношения с родными и близкими людьми не складывались. Тетушка удвоила нажим и усилила нравоучения; Дашуня, как будто специально, провоцировала; Виктор каждый день искал и находил повод для скандала, а сама она превратилась в своеобразный буфер, который гасил внешние удары.

Она провела пальцем по руке. Синий свет,

люющийся сквозь прозрачную пластиковую крышу, превращал ее в синеволоосое неземное существо с мертвенно-голубым цветом кожи. Рядышком скособочился скрипичный футляр. Казалось, он тоже выглядит обеспокоенным и неуверенным, как и его искусственно посиневшая хозяйка. Жара и духота заполнили каждую точку, каждый уголок, не гнушаясь тенью домов и деревьев. С клумбы позади скамейки доносился пьянящий аромат вполне земной примулы, а на небе собирались грозовые тучи. Спустя пять минут налетел ветер, пригнул головки цветов к траве, и вокруг разом потемнело.

— Будет шквал, гроза, буря, — пророчествовала Алиса вслух, думая совершенно не о погоде.

Прошуршали шины. У обочины мягко притормозил чёрный «Шевроле». Дверца с тихим щелчком распахнулась, любезно приглашая в светлый салон. Алиса подхватилась со скамьи, всем видом выражая послушание и радость. Энергично простучала каблучками к машине.

— Куда едем? — спросила она, усаживаясь на переднем сидении. — Хорошо здесь, прохладно.

Виктор медленно повернул голову. Выражение его лица она охарактеризовала как скорбное: губы сжаты, лоб прорезали вертикальные морщины, взгляд недовольный и с прищуром. «Шевроле» выворачивал на главную дорогу, когда

в небо полыхнула молния, следом зловеще пророкотало, и на город с его загрузившими от жары цветами и деревьями обрушился ливень, который Алиса мысленно окрестила тропическим. Следующий раскат грома заставил её закрыть глаза и вжаться в кресло. Она с детства опасалась гроз, предпочитая переживать их в безопасности: опустив жалюзи, выключив электроприборы, забравшись с головой под плед на диване.

Уехали они недалеко. Когда автомобиль притормозил возле аптеки, Алиса обеспокоилась. Ничего не объясняя, скорбный жених выскочил из машины и скрылся за зеркальными дверями. Отсутствовал он довольно долго: она успела еще пару раз зажмуриться, включить музыку, рассмотреть зонтики у прохожих, да и ливень успел закончиться. В омытом дождём небе весело засверкало яркое солнце. Вернувшийся Виктор кинул на заднее сидение пластиковый пакет с лекарствами и с чувством захлопнул дверь.

— Кому? — спросила Алиса, кивая на россыпь упаковок, картонными углами распирающими целлофан.

Виктор нервно схватился за руль, побарабанил пальцами по баранке и, глядя в лобовое стекло, глухо сообщил:

— У нас неприятность. — Горько мотнул головой. — Мама заболела.

— Чья? — искренне удивилась Алиса. По её мнению, обе мамы чувствовали себя превосходно.

— Моя! — оскорбился Виктор.

— Как? Когда заболела?

— Серьёзно, мы полагаем. — Страдалец соизволил взглянуть на опешившую Алису.

— Подожди, но на репетиции...

— Вчера и сегодня утром скорую вызывали.

Перед глазами Алисы объявилась белая шляпа, победным стягом реял красный бант, а на заднем плане металась приплясывающая Громова с коронным: «Ребята, вы на море едете?»

— Мы на море едем? — эхом повторила она и вызвала шквал эмоций.

— Я не могу бросить её в таком состоянии! — выкрикнул Виктор. — У моей матери давление сто восемьдесят на сто десять. Она была между жизнью и смертью. Врач сказал, — приступ может повториться. Ты это понимаешь?!

Алиса ничего не понимала. Какой-то час назад она видела, как пребывающая на смертном одре Софья Эдуардовна энергично околачивала сумочкой чей-то пятнистый зад, в бодром здравии отвоёвывая любимую шляпу.

— Как же билеты на самолет? — растерянно спросила она.

Праведный гнев охватил жениха. «Говорила мама! Холодная, бесчувственная!»

— Какая же ты! Придумай сама, что с ними делать. Выкинь, продай, реши проблему!

Он перегнулся через застывшую Алису и распахнул дверцу автомобиля.

— Извини, мне надо ехать. Дождь кончился. Дом твой отсюда в двух шагах.

На негнущихся ногах она вылезла из машины и каменным изваянием застыла во влажном песке на обочине. Ее судорожно сжатые пальцы вцепились в ручку футляра, ставшего неподъемным. Она видела, как Виктор выпрямился, по-спортивному размял шею и повеселел. Две морщинки между бровями исчезли, вернув высокому лбу прежнюю безмятежность.

Зелёный дворик старой пятиэтажки встретил запахом мокрой листвы и весёлым гомоном птиц. Все живое будто проснулось после ливня, с удовольствием стряхивая с себя крупные дождевые капли. Алиса искусно лавировала между лужами, пробираясь по залитой асфальтовой дорожке. Чтобы не забрызгать ценный футляр, она приподняла его на уровень груди и крепко обняла.

В пятнадцати метрах от её подъезда обнаружилась широкая и глубокая лужа. Алиса потопталась рядом с мутными краями, а после решительно взобралась на бордюр и сделала два шага вдоль неожиданно разлившегося моря.

Коварные кусты вострепнулись от удовольствия, обрушив на ее спину щедрый запас дождевой воды.

— Ой-ёй!

Одна мокрая ветка царапнула по руке, другая с оттяжкой хлестнула по шее.

— Алиска идет, — известил юношеский басок.

Упомянутая Алиска неуклюже засемила по бордюрику. В какой-то момент она потеряла равновесие, замахала рукой, футляром и беззвучно прыгнула в воду.

— Плавает, — прокомментировал басок. — Чего? Сама посмотри.

Подняв драгоценный футляр над головой, по самую щиколотку в воде, Алиса застыла посреди лужи. У противоположного края искусственного водоема радостно переминался долговязый конопатый очкарик, тыкая закрытым зонтиком в сторону водоплавающей подруги. Рядом с конопатым возникла рука с сигаретой, которая принадлежала задумчивой Громовой. Подружка убрала с лица волнистую прядь, прищурила зеленоватые глаза и недовольно почесала кончик веснушчатого носа.

— Ты чего замерла, Шуйская? — спросила она, отбрасывая недокуренную сигарету в дырявый мусорный бачок.

Грубоватое поведение подруги остро

диссонировали с обманчиво-хрупким видом.

— Хочешь простудиться и умереть? — Она покосилась на притоптывающего юнца. — Замри, пепс! — приказала и снова обратилась к купальщице. — Никто не заплачет. Вылезай!

Алиса закатила глаза: брат и сестра Громовы в своем репертуаре. Загребая туфлями воду — пропали бедные лодочки — она вылезла из лужи и поплелась к подъезду.

Сквозь угрюмые тучи прорвалось омытое дождём солнце. Его слепящие лучи рассыпались тысячами искр в мелких лужицах и осветили мокрую скамейку, по случаю разразившегося ливня, свободную от вездесущих бабушек.

Даша сидела на низкой кованой оградке, раздражённо выстукивая коричневым сапожком по железной стойке. Она всегда была такой: горящей энтузиазмом, нетерпеливой и ярко-увлекающейся. Последним её увлечением стали нестерпимо сверкающие хромом мотоциклы, а так же их усато-бородатые владельцы. Соответственно жизнь родных и друзей Даши Громовой тоже круто изменилась. В обиход прочно вошел байкерский жаргон, шумные «прохваты» на мотоциклах и сама Громова в шокирующих кожаных нарядах.

Сегодня в дополнение к коротким сапогам и каштаново-рыжим кудрям шли ультракороткие джинсовые шорты, необъятная тельняшка,

прикрывающая лишь одно плечо, кожаная жилетка с бахромой и фуражка морского офицера. Этот наряд вызывал особенный интерес у всех без исключения мужчин и ропот возмущения у бесцветных сорокалетних женщин.

— Куда... в таком виде? — поинтересовалась Алиса, определяя футляр на скамейку.

— Никуда! — с удовольствием огрызнулась подружка и с вызовом добавила. — Один пуляльщик...

— Чел без башки, — синхронно переводил рыжий брат.

— ...на бритве заедет.

— ...на мотоцикле прикатит.

— Набубенюсь вдрызг.

— Опять надерётся в задницу, дура.

— Нарываешься, крендель?

Сестрица соскочила с оградки и пошла грудью на врага. Умный юнец метнулся в сторону палисадника.

— Отчаянная ты, — дипломатично заметила Алиса. — Не желаешь сменить увлечение? Пить вредно.

— Она уже сменила, — пробубнил младший Громов и покрутил пальцем у виска. Потоптавшись, он достал из рюкзака прозрачную жёлтую папку и определил её на мокрую скамейку.

— Присаживайся.

Алиса филигранно опустила на оборудованное сиденье. Она стащила с ноги туфель, выливая из него остатки воды. Ухватила за носок, демонстративно помахала в воздухе.

— Послезавтра на море? — спросила подруга, пристально наблюдая за пируэтами туфли. Алиса застыла и отвела глаза.

— Не едем. У него...

Перехватило дыхание. Она схватилась за горло и надсадно закашляла. Громы терпеливо переживали приступ волнения.

— ...Софья Эдуардовна заболела. Утверждает, что болезнь серьезная, давление критическое, и он бы хотел провести последние часы с мамой.

Алиса вылила воду из другой туфли и, скривившись, засунула ноги во влажную обувь.

— Хм? Странно, — удивилась Даша. — У тромбониста мамочка помирает, а ты не сопереживаешь.

У Алисы имелось одно, непонятно каким образом обретенное качество. Она была патологически честна и всегда требовала, чтобы близкие люди говорили ей правду. Если спустя время узнавала, что кто-то солгал ей, любые отношения, будь то любовь или дружба, рушились без надежды на восстановление. Родственники и друзья, помня про этот порой обременительный

пунктик, предпочитали в критические моменты промолчать или уклониться от ответа, но не лгать.

— Он — не тромбонист, а дирижёр, который врёт, — звенящим голосом отреагировала Алиса. — Или оба врут. Сегодня на репе...

— ...репетиции, — автоматически перевел Эдик.

— ...больная...

— ...Софья Эдуардовна. — Младший Громов не знал отдыха.

— ...да, на репетиции, сошлась врукопашную с рабочими. И победила.

— В бреду была тетка. В горячечном, — выдал версию Эдик.

Но Даша терпеть не могла заносчивого Виктора и его надменную мамашу, а потому с удовольствием резала правду:

— Ты уже второе лето со своим тромбонистом едешь на Ривьеру. И каждый раз за день-два до поездки случается затычка.

— Форс-мажор, — синхронист держал планку.

— Он — дирижёр, — поправила Алиса.

— Витёк еще не вырос. Его мама не пускает, — принял подачу Эдик и залихватски покрутил на пальце зонт. — Тридцатый годок мальчику пошел. Самое время уберечь от недостаточно талантливой...

— ...недостаточно красивой и недостаточно утонченной девице, — согласилась Алиса.

— Да, тонкая ты! Просто задолбала Витькину мамочку этой ежегодной колбасней с морем. Отвали от тетки! — приказала Громова.

— Алиса, отстань от Софьи Эдуардовны!

«Недостаточно талантливой» стало тревожно. Конечно, дуэт Громовых имел солидный опыт в исполнении партий на два голоса, но очень коротких. Длительная солидарность, как фальшивая нота, резала слух. Даша явно что-то задумала: рука подруги непроизвольно тянулась за сигаретами. Эдик, в свою очередь, был слишком разговорчив и чем-то смущён.

— Курить вредно, — заявила Алиса и поднялась со скамейки, чтобы отобрать смертоносную пачку. Она ненавидела сюрпризы, а потому решила на провокацию.

— Это ты у нас вредная, Шуйская! — Подружка возмутилась и спрятала сигареты за спину. — Руки, фу! Катаешься со своим оркестром по Европам, а у нас беда.

Извернувшись, она вытащила сигарету, но некурящая Шуйская оказалась ловчее: отобрала и добычу, и источник.

— Это ты у нас катаешься непонятно с кем, а я работаю до поздней ночи. Какая беда?

Она отступила к скамейке. Раздосадованная

подружка мотнула головой в сторону Эдика.

— Вон беда стоит. Дедов «Москвич» продал. Если бы не продал...

Она сжала кулачок, однако он выглядел невнушительно. Присоединила к первому второй, и обеими погрозила «беде».

— За тысячу баксов, между прочим! — дискантом отозвался брат и неосмотрительно дёрнул рукой.

Шёлковый шнурок предательски сорвался с пальца и зонтик, описав великолепную петлю, улетел в сторону палисадника. Кусты вздрогнули, осыпая встопорщенную траву дождевыми каплями.

Алиса непонимающе уставилась на Громовых.

— Поздравляю! Вы теперь богатые, — осторожно заметила она.

Эдик сардонически захохотал и в приступе смеха неосмотрительно шлёпнулся на мокрую скамейку, с которой сразу же подскочил, выворачивая шею и разглядывая пятнистые шорты.

— Не, мы опять бедные. Дашка миноискатель купила, — заявил он, крутясь на месте, точно собака за хвостом.

— Что, простите? — не расслышала Алиса и обернулась к подруге.

— Миноискатель! — раздраженно проорал мальчишка, явно не удовлетворённый состоянием штанов. — Мины будем искать.

— Он шутит. — Контральто Дашиного голоса обрело шикарные грудные ноты. Чтобы усилить эффект, она изобразила лёгкую задумчивость. — Никаких мин. Будем искать Золотого коня Чингисхана...ну, или клады там всякие.

Приставила палец ко лбу, пронзила взглядом скамейку — настоящее буйство мыслей — и выдала фразу вечера:

— Ты едешь с нами.

Алиса сорвалась с места, пластиковая папка приземлилась в лужу.

— Я никуда не еду. Ни-ку-да! — по слогам информировала она, штурмуя ступеньки крыльца.

На последнем слоге беглянка споткнулась. От падения её спас облупленный дверной косяк, привычный к подобному рода тяжестям. Вцепившись в него, она преодолела сбитый порожек и скрылась в подъезде.

— Правая-левая? — невозмутимо поинтересовалась Даша.

— Левая, — хмыкнул брат.

— Вот дерьмо! Чего встал? Дуй за ней!

Туфли противно хлюпали, откликаясь на каждый Алисин шаг. Высокий лестничный пролет сменились площадкой второго этажа. Дверь квартиры представлялась толстым щитом между тихой размеренной жизнью и головокружительной

авантюрой. Алиса достала ключ, вставила в замочную скважину и повернула.

— Я тоже не хочу ехать! — выкрикнул снизу Эдик. — Но ты знаешь пустоголовую Дашку: она в одиночку потащится за богатством и, как пить дать, влипнет в историю. Хорошо, если живой вернётся.

Алиса нажала на ручку, сделав шаг в безопасную гавань прихожей. Потопталась на коврике, оценила чудесное спасение и вернулась на лестничную клетку. Как во сне вытащила ключ из двери и, нехотя, спустилась по лестнице. На первом этаже, возле самых ступенек, её поджидал взлохмаченный Эдик. Он переминался с ноги на ногу и отводил глаза.

В гробовом молчании они вышли из подъезда. В этот самый момент раззадоренная Громова показывала средний палец незнакомому мужчине в сером костюме, откровенно заглядевшемуся на чудо голоное и полосатое. Последующее отступление костюма вышло феерическим: не разбирая дороги, он позорно убегал по лужам, сопровождаемый хриплыми воплями грядущего торжества:

— Да, мужик, тебя натурально вставляет!
Беги, беги!

— И где искать его, Коня вашего золотого? — Алиса оборвала приступ веселья, встав столбом укора перед Дашей.

Та подумала и выдала расплывчатое местонахождение:

— На юге. Там леса, степи, озера всякие. Короче, готовься, подруга.

— Где, на юге? Как готовиться?

— Сапоги купи на низком каблуке или ботинки кожаные. Разноси их.

— Спасите наши души! — вполголоса пробормотала Алиса. — Летом разносить сапоги.

Желание вырваться из психиатрической клиники, куда её затащили по чужой милости, стало чрезвычайно острым. Обходятся же люди без друзей! И без лживых женихов. И без настойчивых родных. Если представить, что она — сирота. Одинокая, счастливая сирота.

— Ну, не будешь же ты на каблуках по лесу шастать! Рюкзак купи.

— Рюкзак. А чемода... нет? Я, знаешь, привыкла. Такой удобный чемодан на четырех колёсиках. Выходишь с ним из здания аэровокзала, берёшь такси и едешь жить... где мы жить будем?

Дашуня закатила глаза «какой аэровокзал, Шуйская?!»

— В палатке тё-ёмной и сырой, — пропела она замогильным голосом.

Алиса замахнулась скрипкой и отступила к подъезду.

— Которую, кстати, ты купишь, богатая наша

подруга. Или нет, палатку я достану, а ты лучше купи нам спальные мешки. Три штуки.

— Я не могу жить в спальном мешке! — воспротивилась Алиса. «Зачем я поддалась на уговоры, — недоумевала она. — Манипулируют мною все, кому не лень. Надо сказать твердое нет, и проблемы исчезнут. Никаких сапог, мешков, рюкзаков. А как же Дашка? Пропадёт без меня в южных степях. Даже не верится, что какие-то полчаса назад я в Италию собиралась. Отель, песочек, цивилизация. Вместо этого палатки, лес и комары. За что такое горе?»

Драматическую ситуацию разрядило явление непропорционального мотоцикла. Сияющий чёрной краской и хромом самодельный «агрегат» торжественно подкатил к спорщицам. Усатый бородач в выгоревшей бандане добро улыбнулся своей Дашуне и предпочёл не заметить чужаков.

— Тетю-маму-папу предупреди, — приказала Громова подруге. — И бандуриста! — Она прижалась к плечу усача-бородача. — Колян, ты — супер! Пробойника видел?

Колян сурово мотнул головой, задрал вверх общипанную бородачку и для вящего антуража покрутил ручку газа. Невообразимый треск заглушил птичье пенье. Чувствительная Алиса сунула футляр под мышку и прикрыла уши ладонями.

— Шуйская, одолжи скрипку на вечер!

Даша потянула футляр на себя, но Алиса крепче обняла инструмент и отступила к подъезду.

— Не дам! — прокричала она. — Ты играть не умеешь!

Подружка постучала по лбу.

— С ума сошла? Зачем мне играть? Дай!

— Нет.

Если и Даша была огорчена, то внешне это не отразилось. Она уселась на мотоцикл и подтолкнула Коляна.

— Ботань помаленьку.

Тот, казалось, находился в другом измерении, с блаженным видом вслушиваясь в рёв мотоцикла. На балкон выползла заинтересованная соседка, из форточки третьего этажа высунули грозный кулак.

— Зачем тебе скрипка?! — спросила Алиса, подступая к подруге.

— Сфоткаться хочу, — перекричала треск Даша. — На байке!

Мотоцикл сорвался с места и впечатляюще форсировал не единожды промеренную лужу.

— Со скрипкой! — Впечатляющий веер брызг обрушился на обочины. — Без одежды! — И заключительным аккордом. — Голой!

Алиса поймала себя на том, что смеётся. Она разогнала дым рукой и обернулась к младшему Громову. Тот с сосредоточенным видом бродил по

прямой траве палисадника, поддавая ногами воспрянувшие духом цветы. Сиреневые головки укоризненно покачивались, роняя с лепестков прозрачные капли.

— Ты не видела мой зонтик? — спросил брат голой фотомодели.

— Под тем кустом, чуть правее, — не задумываясь, ответила Алиса.

Эдик присел рядом с шиповником, прошуршал обёрткой от мороженого и вынырнул из травы с зонтиком в руке. Он сжал разлохматившегося друга ладонями, победно потрясая находкой над головой:

— Виктория! — Обрушил на себя порцию воды и поубавил восторг. — Как ты умудряешься всё видеть и помнить?!

Алиса не услышала вопрос, раздумывая над тем, как преподнести родителям историю с Золотым Конём. Куда она едет? Зачем? Важно обосновать поступок.

— Эдик, куда мы едем?

— Центральный Казахстан. Каркаралинский горно-лесной оазис. От Караганды всего двести километров.

— Куда-а? Это же другая страна и очень далеко.

— Италия — тоже другая страна, но не это важно. Представь себе пустыню, солончак,

растрескавшуюся голую землю, а после, бац, — лес в три яруса. Нет никакой переходной зоны: каменная пустыня и стена из корабельных сосен. Пишут, что очень красиво.

Его собеседница вяло отмахнулась от грядущей красоты.

— Прямо уж корабельные. Без меня никак не обойтись?

— Никак, — помотал кудрявой головушкой Эдик. — Ты единственная, кто не ржёт при слове миноискатель.

Они переглянулись и расхохотались.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой палатка ставится на сухом пологом месте

Подперев рукой подбородок, Алиса сидела перед ноутбуком и смотрела на экран. Заголовок документа, который она так прилежно изучала, звучал прекрасно и тревожно: «Искусство выживать». Ниже шли длинные подзаголовки шрифтом мельче: «Искусство выживать в городских джунглях», «Выживание в жаркой пустыне», «Правила выживания в тропиках» и далее в подобном роде. Она пока находилась в начале пути, штудируя основные положения нового

искусства.

«Чем вы благополучнее, богаче и красивее, тем больше внимания уделяйте своей безопасности», — гласил первый пункт. После чего шел второй бесхитростный совет: «Научитесь быть незаметными». Алиса подумала, что ей надо перекрасить волосы в болотный цвет, чтобы в полевых условиях никто не заметил такую красивую, богатую и благополучную девушку. И все же, волосы — это мелочь. Скажите, что делать с её ростом? Куда спрятать примечательные сто семьдесят восемь с половиной сантиметров? По долинам и взгорьям Казахского мелкосопочника будут бродить ярко-рыжий юноша в очках, миниатюрная грубиянка, упакованная в металл и кожу, и очень незаметная зелёная дылда.

— Пожалуй, останусь блондинкой, — пробормотала дылда.

«Не болтайте. Можно быть разговорчивым, но обходить рискованные темы». С этим пунктом советчик опоздал. Вчера ночью заботливой матери вздумалось позвонить из-за границы любимой дочери. Алиса уже спала, и снились ей изумрудного цвета экваториальные джунгли, до отказа наполненные всяческой живностью, а потому её ответы вышли красочными и невразумительными. Тем не менее, родительница выяснила, что кровинка через несколько дней отбывает в

четырёхъярусный лес, населенный белками, крокодилами и мартышками. Оказалось, что девочка всю жизнь мечтала побегать по поляне в спальном мешке, поплавать в кристально-чистом роднике и испить воды из незамутнённого ничьей жизнедеятельностью озера. После «жизнедеятельности» телефон пришлось отключить.

Пункты «Заводите друзей» и «Верьте в свою звезду» пролили бальзам на раненую душу чтицы, но следующая ложка дёгтя: «Рассчитывайте только на себя. Не ждите, что врач вас вылечит, а милиционер защитит» вогнали городскую жительницу в ступор. Дальше шли рассуждения на тему «...оставшись с матушкой-природой один на один, прежде всего, вооружитесь. Сделайте мощную палицу-дубинку и обтешите двухметровое копьё». Она покосилась на сверкающий сталью электрошокер и перепрыгнула через страницу, на которой подробно объяснялось, как выстрогать дубину-защитницу, всенепременно утолщённую на конце.

Чуть позднее Алисино внимание привлекла безапелляционная строка: «Наибольшей бдительности требуют следующие индивидуумы: 1. Неудачники. 2. Молчуны. 3. Психопаты. 4. Курильщики. 5. Энтузиасты. 6. Принципиальные. 7. Дураки. 8. Особо услужливые». Она отогнала от

себя неприятную мысль, что пятая категория характеризует Эдика, четвёртая и седьмая — ретивую подружку, а шестая и восьмая — её нерешительную персону. Да разве нормальный человек отправится в отпуск в лесные дебри?! Поколебавшись, решила, что энтузиаст, дура и принципиальная будут следить друг за другом поочередно. В таком опасном предприятии, как кладоискательство, никому нельзя доверять, даже себе.

Музыкальные переливы дверного звонка оборвали тревожные думы. Хотя лучше вот так лениво размышлять перед ноутбуком, чем впускать непрошенных гостей. Однако, как бы они попросились, если телефон был отключён ночью. И всё-таки она очень сомневалась, что потомки знаменитого Чингисхана прятали Золотого Коня в лесах Центрального Казахстана, если они вообще существовали эти легендарные кони.

Звонок перешел в грохот. Колотили в четыре руки и, если сложить два и два, добавить к итоговой сумме наглость, помноженную на ослиное упрямство, то в дверь к ней ломятся Громы. Она подумала, что отсидеться взаперти, не выйдет. Эти «двое из ларца» будут день и ночь караулить под дверью.

Через минуту в квартиру, где царил натёртый дубовый паркет, стеклянные хрупкие безделушки и

образцовый порядок, ворвались Эдик и Дашуня. Младшенький заволок в гостиную габаритный баул — Алиса едва успела отогнуть ковер — и оставил его посреди комнаты. Старшая Громова тянулась следом, чудом удерживая в руках распадающийся сноп занозистых палок.

— Шуйская, ты когда-нибудь видела настоящую палатку? — прозвучал с порога интересный вопрос.

— По телевизору видела.

Алиса кивнула в сторону плазменной панели и обернулась на тарахтенье и треск. Палки рассыпались на пороге комнаты, положив начало грядущему беспорядку. Освобождённый от ноши Эдик легко перешагнул через шалаш из дров:

— А, клево получилось, готовый очаг! Поджечь только осталось, — и удалился с ревизией на кухню.

— Увидишь наяву, — продолжала наступление Даша. — Сейчас будем ставить.

— Палатку? У меня в комнате?! — ужаснулась Алиса и попыталась передвинуть баул к входной двери. Первые полметра были освоены вполне прилично, дальнейшему продвижению помешали ноги подружки.

— Надо подготовиться, Шуйская. Ты не умеешь ставить, я не умею. Учиться будем.

— Угу, — согласился явившийся из кухни

Эдик. Вооружённый половинкой батона и длинной цепью сосисок, он был готов отстаивать интересы семьи. — Там колья забивают. Двенадцать, нет, четырнадцать штук. Алиска, у тебя топор есть?

— Не надо забивать! — горячо запротестовала хозяйка квартиры, обдумывая способы выдворения гостей. — У меня паркет и, вообще, я никуда не еду.

— Почему? — не испугалась Даша.

Алиса искала вескую причину. Топор, колья и грядущий разгром — это не причины.

— Ты куришь, — заявила она, восстановив в памяти список неблагонадёжных индивидуумов, — и пьёшь.

— Редко, — не согласилась подружка. — По большим праздникам.

Чтобы окончательно избавиться от палатки, кольев и друзей, Алиса решилась на ультиматум.

— Я поеду, если ты пообещаешь не пить и не курить все десять дней поездки.

— Полторы недели? — удивилась Даша. — Да, легко! Хоть две. Всё одно хотела бросить. Красота важнее и здоровье туда же.

Алиса не нашла, что возразить.

— Так, уважаемые коллеги, хватит эмоций. Сейчас перекусим, кофе сварим и обмозгуем важное дело.

Даша шагнула к братцу и, хотя тот

извернулся, она успела оторвать пару сосисок. — У, проглот! Шуйская, ты целых два дня в отпуске. Ужин приготовила? У тебя по квартире голодный студент шарится, здоровье полуфабрикатами портит.

— Не приготовила, — жаловался Эдик. — Я проверил. Книжки, наверное, читает. Но в холодильнике кое-что есть.

Даша осуждающе покачала головой и засучила рукава клетчатой рубахи.

— Духовною пищей мы сыты. Да, Шуйская?

Она переступила через колья, подтолкнула в спину Эдика, и эти двое отправились на кухню.

— Ешли бы! — с набитым ртом ябедничал Эдик. — Она швейшарский сыр, — он приостановил речь, справляясь с сосиской, — и сырокопчёную колбасу всухомятку молотит.

Спустя час квартира Алисы выглядела так, будто по ней пронёсся безумной силы смерч и разметал всё своим на пути. Торшер, кресла и два стула сгрудились в углу комнаты. Тюль и занавеси заброшены на подоконник. Два цветочных горшка с зелеными питомцами героически поддерживали друг друга на углу стола. Сдвинутый с привычного места диван, всем немалым весом сдерживал угловатую мебельную конструкцию, а полог криво свисающего белоснежного ковра подобно парусу

венчал сие опасное геометрическое несовершенство.

Опустевший центр комнаты занимала развёрнутая брезентовая палатка советских времен. Верхняя часть брезента приподнималась, шевелилась и ругалась нежным женским контральто: внутри ползало мелкое крикливое существо. По свободному от палатки периметру валялись мешки, верёвки и поролоновые матрасы.

— Начиная от угловых растяжек, натягиваем пол палатки, — вслух прочитала Алиса и задумалась. Она пристроилась на диване с ноутбуком, откуда черпала сведения по установке палатки. — Красивое сочетание «угловая растяжка». Слушайте дальше. Когда пол натянут, устанавливают... у нас пол натянут?

— Пол лежит, и Дашка тоже, — глубокомысленно заявил Эдик, глядя на движение под брезентом. — Натягивают при помощи кольев. Может, книжки приспособим?

Он кивнул на книжные полки, забитые фолиантами внушительной толщины. Алиса пожалала плечами. В любом случае, после нашествия потомственных татаро-монголов Громовых, квартира будет нуждаться в генеральной уборке.

Не дождавшись запрета, Эдик взялся за разграбление полок.

— ...устанавливают опорные стойки, —

продолжала инструктаж Алиса, — которые поддерживают конёк палатки. Для их установки в коньке сделаны два отверстия с люверсами. — Она запнулась и повторила с удовольствием. — Лю-юверсы. Мелодично звучит, да? — И опомнилась. — Где опорные стойки?

— Одна у меня, — раздался голос подружки, и палатка вздыбилась.

Задняя опорная стойка встала на законное место. Даша двинулась вперёд и, подперев «конёк» палатки головой, заняла место передней стойки. Яркий сноп света, подобно лучу прожектора, ударил в стену: Налобный фонарь излучал киловатты, килотонны, мегаватты света.

— Супермощный! — восхитилась Даша и приказала: — Эдик, стойку!

Брат послушно изобразил овчарку на задних лапах, после чего принялся бродить вокруг палатки в поисках второй опорной стойки.

— Долго я здесь светить буду? — рычала сестрица, изображая кариатиду, но тут в красивую голову пришла гениальная мысль. — Выключи люстру! — приказала она брату. — В лесу никакого света над палаткой не будет. Искать вещи придется с помощью фонарика.

Эдик выключил свет, потом снова включил.

— Тогда и мне нужен фонарик.

— Выключи, я сказала! Твой фонарик будем

искать с помощью моего фонарика.

— Вечно ты всё усложняешь! — возмутился послушный брат. — Не хочешь жить просто.

Эдик щёлкнул выключателем. Алиса не обращала внимания на игру света. Она сидела с ногами на диване и снова штудировала «Искусство выживания». Сейчас она дошла до пункта «Будьте индивидуалистом!» Ее уверяли, что надо развивать в себе вкус к противоречию и не бояться выглядеть белой вороной. «Один из способов себя угробить — жить как все». Этот странный вывод укрепил её в намерении отправиться с друзьями за фантомным Конем.

В дверь позвонили. Алиса поморщилась: ну, и кто это? Нехотя отставила ноутбук, поднялась с дивана. Обогнув палатку по периметру, перебравшись через колья, она вышла в прихожую.

— Ирод! Куда ты стойку дел? — разорвалась вслед кариатида.

Алиса включила бра в прихожей.

— Не трясись головой! — требовал ирод. — Замри. Свети мне под ноги, а не в глаза.

Назад гостеприимная хозяйка вернулась не одна.

— Звоню. Ты телефон отключила, — примирительно рокотал гость. — В темноте сидишь. Не заболела? Я тебе орхидею принёс.

На ладони у Виктора лежала изысканная

сиреневая коробочка, а лицо просто источало участие и доброту. Впрочем, благодушие мгновенно испарилось, а улыбка превратилась в гримасу, когда он вошел в разорённую комнату.

— Э-эу, — отшатнулся он.

Алиса ловко пробралась между мешками, перепрыгнула через матрас и забралась на диван. Ее тянуло к ноутбуку и «правилам выживания в лесу», а жених с хитроумной мамой и гламурной орхидеей не вписывался в полевую, суровую жизнь.

Виктор неосмотрительно шагнул следом за невестой, и его ноги увязли в каких-то острых палках. Он попытался освободиться, но окончательно развалил хрупкую конструкцию потенциального очага. Грохот и треск сопровождали его неловкие движения.

— Осторожнее! — не удержался от упрёка Эдик.

— Что это?! — ужаснулся пойманный жених, выдёргивая правую ногу и одновременно указывая на палатку.

Даша, которая до последнего момента копошилась под брезентовым пологом, задрала голову, чтобы рассмотреть мятущегося в гневе гостя. Луч фонарика ослепил Виктора, и он заслонил ладонью глаза. Вторая рука прижимала к груди коробку с орхидеей.

— Это я, — вежливо объяснила Даша. —

Палатку держу.

Заслышав голос Громовой, ошарашенный Виктор отпрянул к стене. В попытке бежать, он наступил на опорную стойку, которая немедленно проявила свой неустойчивый нрав и пришла в движение вместе с его ногой. Грохот, тархтенье палок и негодующий вопль сопровождали воистину чаплиновское падение. Причём каждый взмах гостя сопровождалось мощным лучом Дашиного прожектора.

В свете своих интересов Эдик заметил лишь вторую стойку, которую он так долго разыскивал. Он двинулся к пострадавшему, выдернул из-под его ноги коварную палку и радостно выкрикнул:

— Нашёл!

Не помня себя от счастья, студент махал деревянной стойкой над головой Виктора, отчего тот инстинктивно загородился орхидеей и гневно засучил ногами.

— Выключите этот идиотский фонарь! — требовал он из укрытия. — И включите нормальный свет, вы, ненормальные!

Дашу озадачили истерические нотки в голосе гостя, и она послушно щёлкнула кнопкой на фонаре. Эдик нащупал пальцами выключатель люстры, предусмотрительно отодвинувшись от скандалиста подальше. Вспыхнул верхний свет, осветив разгром в комнате и монументально

спокойную хозяйку квартиры. Она не проронила ни слова, с задумчивым видом уставившись в распахнутый ноутбук.

Виктор поднялся с пола, отцепил от светлых брюк кусок коричневой бечевки и с чувством швырнул ее Эдику. В крайне раздражённом состоянии он отправился на разбирательство к Алисе.

— Что здесь происходит? — грозно возмутился он, нависая над диваном столпом порядка и нравственности.

— Учимся ставить палатку, — равнодушно пояснила Шуйская, — на сухом, пологом месте.

— И разжигать костер. — Даша потрясла спичечным коробком в знак солидарности. Виктор перевел взгляд на кучу раскатившихся кольев и застыл в недоумении. Спустя пару секунд встрепенулся и дёрнул Алису за плечо:

— Та-ак. Мне надо с тобой поговорить. Ты меня слышишь?!

Она посмотрела на него с отсутствующим видом.

— Иди за мной к машине!

Громыны переглянулись. Сестрица подмигнула брату, состроила рожу и включила налобный фонарик. Зигзагообразный пробег гостя сопровождал сноп света и глухие проклятия. Молчаливая Алиса, не расставаясь с ноутбуком,

следовала шаг в шаг за женихом. На выходе он обернулся к ненавистным захватчикам:

— Сумасшедший дом!

Алиса в это время изучала «Искусство выживания на войне». Сообразно теме, в голове у нее звучал военный марш Франца Шуберта, и она не сумела вовремя затормозить, отчего жених получил ноутбуком в спину и обрёл ускорение. Он споткнулся об очередную палку и, падая, схватился за настенные часы.

Как и всей её прошлой жизни, часам пришёл конец. Виктор стоял на четвереньках, мёртво вцепившись в знак бемоль, стрелки разлетелись по углам, а саксофонист и трубач приземлились ближе к входной двери, где продолжили извиваться в творческом экстазе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Даша закапывает Коня в казахскую землю

На площадке второго этажа стояла тишь, чистота и благолепие. С подоконника свешивались фиолетово-зелёные веточки традесканции, пламенела пышная герань, влажный бетонный пол еще не просох от недавней уборки. За дверями соседней квартиры слышался умиротворяющий

звук телевизора. Виктор с чувством прихлопнул дверь и обратил на Алису возмущённый взгляд.

— Ты мне можешь это объяснить? — гневно спросил он, прикрывая ладонью глазок.

Алиса привалилась спиной к косяку и отвела взгляд от экрана.

— Могу, — кивнула она. — Мы втроём отправляемся в долгий туристический поход. Сейчас проверяем нашу боеспособность, — уставилась в ноутбук.

— Какой поход?! Опомнись! — задохнулся Виктор. — Когда ты поймёшь, что эти двое не могут быть твоими друзьями! Средоточие примитива, глупости и бездарности! — выплюнул он.

— Эдик примитивный, Дашуня глупая, а я, должно быть, бездарная.

— С ума сошла? Я про них говорю! А тебя я люблю.

Он взял паузу, чтобы до объекта дошло признание. Объект шурился и тарачился на экран.

Пылко влюбленный ударил кулаком в дверь.

— Что надо? — поинтересовалась из-за двери глупая Громова, и Виктор взбеленился.

Он пресек Дашкину попытку прорваться в подъезд, потянув ручку двери на себя. Подружка не сдавалась, призывая на помощь брата. Алиса с удивлением наблюдала яростную борьбу, где

каждый хотел одержать победу над её дверью. И над ней. Жалобно скрипели ручки, пыхтели заклятые враги.

— Прекратите! — Алиса с трудом оторвала жениха от двери и запихнула в квартиру ликующую подругу. — Дашунь, иди в комнату. Я сейчас вернусь.

Она плотно прикрыла дверь и грустно посмотрела на жениха.

— Зачем ты звонил моим родителям? Настроил их против меня. Они требуют, чтобы я вместо Италии ехала в местный пансионат «Елочка». Это подло и нечестно!

Последние слова она выкрикнула хриплым шепотом. От огорчения перехватило голос и на глаза навернулись слёзы. Виктор, напротив, успокоился. Перед ним стояла прежняя слабая, сговорчивая Алиса. Бунт на корабле подавлен, осталось уладить мелочи. Он слегка приобнял ее за плечи и принялся терпеливо увещевать:

— Ссора пустяковая.

— Не пустяковая!

— Эти два дня я думал только о тебе. Отпуск проходит. Купил нам горящие путёвки в пансионат.

Он уткнулся лицом в гладкие волосы, глянул из-за плеча в ноутбук и прочитал:

— Искусство выживания. Что за бред? Я думал, партитуру разбираешь.

— Совсем не бред. А как же Софья Эдуардовна?

Виктор с улыбкой захлопнул ноутбук и аккуратно поставил на блестящую крышку коробочку с белой орхидеей.

— Изысканная, правда? — Подождал, пока невеста послушно кивнет, и продолжил, — Наша мама едет с нами.

Алиса неинтеллигентно фыркнула и рванулась вперёд, высвобождаясь из удушающих объятий.

— С нами? Нет! — Она развернулась, в глазах плескалось недоверие вперемежку с ужасом. — Как в прошлом году?!

Прошлый июль она вспоминала с внутренней дрожью. Требовательная, капризная и болезненно-мнительная Софья Эдуардовна превратила две недели её отпуска в «подай-принеси, закрой окно, открой окно». В начале третьей недели Алиса сбежала с каторги, оставив мать и сына в тесном семейном кругу. В прошлый раз их отношения спасло клятвенное обещание Виктора «...следующий отпуск мы проведем где-нибудь в Италии, вдвоем. Ривьера тебя устроит?». Алиса дала себя уговорить.

— Но тебе понравилось тогда, — мягко уговаривал жених. — Ты сама говорила, что было неплохо. Ты врала?

— После слова «неплохо» шло длинное уточнение. Не перекручивай мои слова, оправдывая свою ложь. Италию и Ривьеру предложил ты, а я согласилась ждать. Ты не оправдал моих ожиданий.

Ее голос обрел необычную силу. Жених сдвинул брови и покосился на противоположную дверь. Любопытная соседка, несомненно, подслушивает.

— Счастливого вам пути!

Она толкнула дверь с намерением оставить его в подъезде, и Виктор схватился за ноутбук.

— Шутишь? Как это счастливого пути? А ты?

Алиса пошла на таран, бесцеремонно отодвинув настойчивого жениха плечом.

— Я тоже улетаю через два дня.

— С этими, что ли? — Он презрительно кивнул в сторону двери.

— Да, с ними. Они, по крайней мере, говорят правду, а не врут в глаза, как некоторые. — Она сунула Виктору орхидею. — Купил он путевки в хороший пансионат. Когда вы это с мамой решили? Три месяца назад, четыре, полгода? А мне про Венецию и Флоренцию рассказывал, как мы вдвоем...

Она запнулась. Судя по бесстрастному выражению, он ничуть не раскаивался в обмане. Его волновало совершенно другое:

— Твои родители знают о предстоящем вояже

с друзьями детства?

Красавцу-жениху было не до сантиментов. Сейчас он сколачивал мощную бригаду единомышленников, которая должна подавить сопротивление противника и победить. Вот как она умудрилась встречаться два года с мужчиной и совершенно его не знать?!

Алиса сокрушенно покачала головой, отметив злые глаза, сдвинутые брови и плотно сжатые, тонкие губы. Она зашла в квартиру и прильнула к глазку с обратной стороны. Виктор поставил коробку с орхидеей на коврик под дверью и полез в карман за телефоном. Взглядом выхватил пылинку на брюках, раздраженно отряхнулся и, приложив к уху мобильник, лениво пошел вниз по ступенькам.

Когда Алиса вернулась в комнату, то обнаружила там уныло обвисшую палатку, кривые стопки книг на растяжках, бесцельно слоняющегося Эдика и воинственную подружку.

— Ушел твой вампир? — недобро поинтересовалась Громова, помахивая остро заточенным колышком.

— Он не вампир, — привычно затянула Алиса, — он...

— ...дирижёр, — согласилась Даша. — И чеснок в коробке, кровопийца, унёс.

Алиса вяло махнула рукой в сторону порога,

где ее дожидалась орхидея.

— Так мы едем за Конем? — наступала подруга. — Я мануал принесла.

— Что? — не поняла Алиса и оглянулась на Эдика.

Студент явно утомился, разыскивая стойку. Он не торопился выдавать синхронный перевод, а пристраивался вздремнуть на диване.

— Карту сокровищ, не мной нарисованную. — Даша сунула измятую и потрепанную бумажку подруге.

— Так ты не шутила?

— Я серьёзна как никогда, Шуйская. Деньги нужны вот как! — Громова провела ребром по шее. — Братец мечтает о новом компе. Мне байк починить. Шафт, пистоны — всё ни к черту!

Алиса не знала, что такое шафт и пистон, но догадалась связать их с мотоциклами. Она присела на диван, взгляделась в карту сокровищ и повела пальцем:

— Лес, речка или ручей, оз. Зеркальная падь, оз. Шайтанколь. — Растерянно перечитала по слогам. — Шай-тан-коль. Какое название нехорошее. Шайтан — это черт, а коль — озеро, Чертовое озеро получается. Что за... Даш, мы куда-то не туда едем!

Алиса выронила листок, и он мягко спланировал на лицо задремавшего Эдика. Студент

встрепенулся, на ощупь отыскал под подушкой очки и водрузил их на нос.

— Хотела поплескаться в тёплом итальянском море, а вместо этого страшный Шайтанколь. Со мною что-то не так.

— Согласен, — промычал Эдик, переворачивая лист и рассматривая геодезические загогулины. — Название стрёмное.

Алиса присела рядом с младшим Громовым, ткнула пальцем в многочисленные холмики, напоминающие горы.

— Ты говорила — лес, а тут — горы.

— Сопки, — небрежно бросила Даша и добавила поспешно. — Мелкосопочник вокруг...гм, нашего горнолесного оазиса. Но мы в горы не пойдём.

— Хорошо, что не пойдём. У меня от высоты голова кружится. Где ты взяла эту карту?

— Один пилот подогнал. Безбашенный перец! Не боялся ни бога, ни черта! Мы вообще-то вместе за сокровищами собирались, поэтому отжигали на его железяке. Чуть не гробанулись, люстру даже разбили!

Она покраснелась, увлёкшись чудесными воспоминаниями, но скучная Шуйская не оценила выкрутасов безголового перца и его недалёкой подруги.

— По-русски, пожалуйста.

Даша презрительно скривилась:

— А я по-каковски? Мы с одним хорошим парнем пиво-чай пили, гуляли на мотоцикле, звезданулись красиво, фару на агрегате разбомбили. Короче, неважно. Ребята говорят, что ночью кто-то позвонил Пробойнику на базу, он отъехал на полчаса и пропал. На звонки не отвечает, мобила вообще отключена, — обеспокоенно пнула пустой чехол из-под палатки. — Может, звонили с военкомата, а там загребли Пробойника в армию?

Тупая Шуйская непонимающе мотала головой. Фары, железяки и военкомат ни на шаг не приблизили её к пониманию ситуации.

— Убил бы гада! — проворчал Эдик, свешивая ноги с дивана. — Подогнал лохушке металлоискатель, левую карту и благополучно слинял с косарём.

Даша потянулась к брату, чтобы отвесить подзатыльник, но студент отгородился подушкой.

— Странная история, — высказалась Алиса. — Хотелось бы услышать подробности.

— Она не помнит этих подробностей, как и фамилию-имя замечательного перца. Кличка Пробойник сама за себя говорит. Я её два дня допрашивал. — Эдик со вздохом уставился на карту. — Кресты какие-то пьяные, набок заваливаются. Говоришь, там наши сокровища лежат? Под одним крестом — голова коня, под

другим — копыта.

Даша радостно закивала. Алиса закрыла глаза, откинулась на спинку дивана и забормотала:

— В огороде, на реке Алатырь, в конце средней гряды — выход. В том выходе три осьмины золота, ружьё, образа жемчужные, да посуда серебряная.

— Бредишь? — влезла в речитатив подружка.

— Сказку сегодня читала. Написана для глупых кладоискателей.

— А мы умные. У нас есть металлоискатель, карта и ты, Шуйская. Ты всегда всё находишь.

— Если оно там лежит, — добавил Эдик.

Алиса открыла глаза и взялась за ноутбук. Она вошла в Интернет. Вбила фразу «Золотой конь» в поисковик.

— Кофе хочу, — заявила Даша, потягиваясь. — Вся надежда на тебя, Шуйская. Ищи наводки, информацию. Иначе, дура я, если последние деньги вбухала в проклятую железяку.

Эдик отбросил подушку и сорвался вслед за сестрой. На кухне громко звенела посуда, щедро лилась вода, бурлил и щёлкал электрочайник, а пытливая Алиса выбирала статьи, читала легенды, задумчиво смотрела на экран и хмурилась.

«...После того, как хан Батый разорил русские княжества, он вернулся в низовья Волги и с помощью искусных мастеров построил посреди

степей столицу золотоордынского ханства — Сарай-Бату. Это был прекрасный город с мечетями, фонтанами и тенистыми садами. Всю дань, собранную за год, хан Батый приказал обратить в золото, и из этого золота отлить двух коней. Отливал коня колокольных дел мастер, захваченный в плен в Киеве. Потом Батый решил, что две одинаковые конные статуи по бокам ворот будут смотреться лучше. Мастер изготовил второго золотого скакуна, точную копию первого. Золотых лошадей с горящими рубиновыми глазами поставили у главных ворот Сарай-Бату, после чего киевского мастера убили, чтобы не смог повторить свой шедевр.

Золотые кони поражали воображение каждого, кто их видел. Вот что написал об этом в своём отчёте посол французского короля Людовика Святого Виллем Рубрук: «Ещё издалека мы увидели сверкание у ворот и решили, что в городе начался пожар. Подъехав ближе, поняли, что это сияют в лучах восходящего солнца две золотые статуи коней в натуральную величину.

После того как Батый умер и власть перешла к его брату Берке, тот перенёс коней, символ богатства и могущества Золотой Орды, в свой город Сарай-Берке. Более сотни лет украшали золотые скакуны главные ворота двух сильнейших золотоордынских городов. В 1380 году скончался

хан Мамай и в его могилу положили одного из коней — «Мамай сторожит золотого коня». Говорят, могила находится на одном из холмов близ Ахтубы.

Где же другой конь? Легенды гласят, что отряд неизвестных воинов совершил дерзкий набег на Сарай-Берке и выкрал оставшегося Золотого коня. Преследуемые золотоордынцами, воины утопили золотой трофей в озере, где он и лежит по сегодняшний день, охраняемый сильными руническими заклинаниями».

В комнату вошла Даша с чашкой кофе в руках и, глядя под ноги, осторожно пробралась к дивану.

— Что вычитала? — кротко поинтересовалась она.

Алиса забрала чашку из рук подруги.

— Ваши Золотые кони — легендарные сокровища, точное местонахождение которых неизвестно никому.

— Поищем. Про Казахстан совсем ничего?

— Почему? К тысяча двести двадцать четвертому году Казахстан прочно вошел в империю Чингисхана. Сегодня утром читала легенду о многотысячном войске монголо-татар, обнаружившим в пустыне дремучий лес.

— Вот видишь! — возликовала Даша.

— Чингисхан — дедушка Батыея. При нем кони еще не были отлиты.

— Не путай меня, Шуйская! Мне все равно, чьего коня искать: внука или его деда. Эти монголо-татары и их враги шлялись по Казахстану уйму веков. Те и другие вполне могли прикопать статую под Карагандой.

— Где-где? В Караганде! — пропел Эдик. — Еще километров двести двадцать до места пиликать.

— У меня карта есть, а на ней три крестика, прямо указывающие на клады. Я хочу стать их владелицей.

— Утаить найденное — прямое нарушение закона, — упрямылась Алиса.

— О-хо! Нарушение закона я беру на себя, а ты будешь невиноватая. Откажись от сокровищ прямо сейчас. Хочешь, оформим дарственную в письменном виде?

Эдик взялся быть миротворцем:

— Местные турагентства наперебой зазывают в Каркаралинский природный парк, коротко — Каркаралы. Утверждают, что места там красивые и романтические. — Он кивнул в сторону Алисы. — Будем наслаждаться живописными видами. И побегаем для твоего, — отвесил поклон сестрице, — удовольствия с миноискателем.

Последнее слово вызвало внезапное волнение у потенциальной хозяйки сокровищ.

— Где он? Я должна была его привезти, —